

The image is a book cover featuring a woman with long, wavy red hair standing in front of a large, arched, dark wooden door. The door is heavily reinforced with metal studs and has a large metal latch. The door is set within a stone archway. The woman is wearing a long, dark red, off-the-shoulder dress with lace detailing on the sleeves. She is looking back over her shoulder towards the viewer. The overall tone is dramatic and historical.

Ева Стелла

Королева
Пустых
Комнат

Ева Стелла

Королева Пустых Комнат

<https://litres.ru/74432749>

Аннотация

Она вернулась в дом, где пропала её сестра. Он пришёл, чтобы стереть этот дом с лица земли.

Ева и Даниил - враги поневоле, запертые в особняке, который дышит, помнит и ждёт. Между ними вспыхивает страсть, опасная, как огонь в пороховом погребе. Но Дом с пустыми глазницами не прощает чужаков. Он хранит тайну длиной в двадцать лет. И он не отпустит их, пока не получит то, за чем охотился всё это время - новую наследницу.

Содержание

Книга 1. ВДОХ Пролог. АЛИСА (Двадцать лет назад) Запах.	4
Глава 1. ВОЗВРАЩЕНИЕ ТЕЛА	8
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Книга 1. ВДОХ Пролог. АЛИСА (Двадцать лет назад) Запах.

Сначала всегда приходил запах. Не папиного дорогого табака и не маминых духов «Красная Москва», которые она выливала на себя литрами перед сном. Это был запах сырой земли и нагретого бетона. Так пахнет в подвале, куда детям запрещено спускаться.

Алиса сидела на полу своей комнаты, окруженная цветными карандашами. Ей было девять, и она умела рисовать то, чего не видела. Папа называл это «даром пространственного мышления». Психиатр, которого тайком вызывала мама, называл это «галлюцинаторным расстройством неясной этиологии».

Сегодня стены дышали особенно громко.

- Алиса, - прошептал голос. Он шёл не из вентиляционной решётки, как обычно. Он шёл изнутри её собственного затылка. - Покажи мне, где болит.

Девочка взяла чёрный карандаш. Она ненавидела чёрный, он был скучным, но сейчас рука двигалась сама. На листе ватмана проступили контуры. Это был план их дома. А в центре, там, где по чертежам отца должна была быть несущая колонна, Алиса нарисовала маленькую скрюченную фигурку человека.

- Я тебя слышу, - прошептала Алиса, и её глаза закатились, как у куклы, которую уронили лицом вниз. - Ты голодный?

Стеклянная стена в её спальне, выходящая во внутренний двор-колодец, запотела. Изнутри. И по влажному стеклу кто-то невидимый начал выводить кривые, дрожащие буквы. Зеркально. Чтобы прочитывать, нужно было подойти вплотную, прижаться носом к холодной поверхности.

Алиса подошла.

Надпись гласила: «ПРИВЕДИ СЕСТРУ».

Девочка нахмурилась. Ева была мелкой, ей всего четыре. Она плакала по ночам и пахла молоком. Зачем она нужна дому?

Алиса не успела спросить. Дверь распахнулась, и на пороге возникла мать - бледная, в сбившемся набок шелковом халате.

- С кем ты разговариваешь, Алиса?

- Ни с кем, мамочка. Дом скрипит. Ветрено на озере.

Стекло было уже сухим и чистым. Никаких букв. Только рисунок на полу, где чёрная фигурка в колонне обзавелась двумя новыми деталями: точками-глазами и улыбкой-полумесяцем, как у Чеширского Кота.

Мать посмотрела на рисунок, и кровь отлила от ее лица.

- Опять эти твои фантазии... Выбрось. Немедленно.

Алиса послушно смяла лист. Но когда мать вышла, девочка не выбросила бумажку в мусорную корзину. Она подошла

к вентиляционной решётке, туда, где шепот был громче всего, и аккуратно просунула смятый комок в узкую щель.

Шепот прекратился. Впервые за месяц наступила тишина. Алиса улыбнулась.

- Кушай, - сказала она дому. - Только сначала я спрячу Еву. А потом спрячусь сама. И ты нас никогда не найдёшь.

В ту ночь Алиса исчезла. Искали долго и отчаянно, словно надеялись найти не тело, а саму жизнь, которая вдруг оборвалась. Отец, обезумев от горя, несколько дней подряд, с рассвета до заката, перерыл всё озеро - багром, руками, не чувствуя холода и усталости. Он нырял в темную, ледяную воду, шарил по илистому дну, звал её по имени, пока голос не срывался на хрип. Мать за одну лишь неделю поседела: чёрные пряди сменились серебристыми, а в глазах навсегда застыло выражение немого ужаса и бесконечного ожидания.

Следователь, усталый человек с равнодушным лицом, закрывая папку с делом, сказал сухо и официально: «Несчастный случай. Утонула». Но в его голосе не было ни сочувствия, ни уверенности - лишь желание поскорее избавиться от этой трагедии и забыть о ней.

Только Ева, которую нашли спящей в шкафу под грудой одеял, знала правду. Она не помнила слов, но помнила ощущение ледяного бетонного пола под босыми пятками и чьи-то горячие руки, зажимающие ей рот, пока Алиса запирала дверцу шкафа снаружи.

«Тише, Ева. Сиди тихо. Дом не должен тебя унюхать. Он

дышит через страх. Не бойся. Я уведу его за собой. В темноту».

Это было последнее, что слышала Ева от сестры. Потом мир поглотил запах сырой земли, и маленькая Ева Маркова потеряла сознание. А когда очнулась - сестры уже не было.

Двадцать лет прошло...

Глава 1. ВОЗВРАЩЕНИЕ ТЕЛА

Наши дни. Трасса М-11, 150 км от Москвы.

Ева открыла глаза за мгновение до того, как Глеб нажал на тормоз. Она всегда просыпалась за секунду до опасности. Дар гиперчувствительности или проклятие - тело помнило то, что разум выжиг каленым железом психотерапии.

- Приехали, - голос брата звучал глухо, словно через слой ваты.

Она посмотрела в лобовое стекло и почувствовала, как диафрагму свело спазмом. Дом с пустыми глазницами. Они не были здесь двадцать лет. Отец, гениальный архитектор-затворник Леонид Марков, после исчезновения Алисы выгнал семью и заперся в этой бетонной раковине один. Теперь он мёртв. Инфаркт в собственном кабинете среди чертежей «Идеального Города».

- «Идеальный Город», - усмехнулась про себя Ева. - Скорее, идеальный склеп, спроектированный по чертежам воспаленного разума.

- Глеб, - она коснулась рукава его дорогого итальянского пальто. - Ты уверен, что нам обязательно туда заходить? Может, ну его к чёрту? Отдадим фонду мачехи и забудем, как страшный сон.

Глеб, старший брат, успешный адвокат с лицом римского сенатора и холодными глазами оценщика, даже не повернул-

ся. Он смотрел на особняк так, как смотрят на оппонента в суде, которого нужно уничтожить перекрёстным допросом.

- Там тридцать миллионов евро, Ева. Наши тридцать миллионов. И я не оставляю их этой стерве Лере. Хватит с неё отцовского счета в Швейцарии. К тому же, - он кивнул на припаркованный у ворот чёрный «Гелендваген», заляпанный грязью так, будто на нём штурмовали не рублиевские пробки, а карьер, - похоже, у нас конкуренты.

Ева проследила за его взглядом и увидела его.

Он стоял на широких каменных ступенях старого дома, спиной к ней, чуть склонив голову назад, словно пытаюсь охватить взглядом весь стеклянный фасад, уходящий ввысь. Ветер с озера, холодный и порывистый, трепал его тёмные, чуть выющиеся волосы, выбивая отдельные пряди из общей массы. Он был без шапки, и в этом уже чувствовалась какая-то дерзкая небрежность к погоде и к миру вокруг.

На нём была простая черная водолазка, плотно облегающая фигуру, а рабочая куртка небрежно перекинута через плечо, будто он только что вышел с объекта или собирался туда вернуться. В этом жесте - свободном, уверенном, почти хозяйском - было что-то вызывающе независимое. Его спина, широкая и прямая, как линия горизонта, казалась воплощением спокойствия, но не человеческого, а скорее звериного, первобытного. В ней читалась абсолютная уверенность в себе, в своём праве быть здесь и сейчас.

Ева невольно поежилась, хотя холод был ни при чём. По

ее спине пробежал странный, тревожный озноб. Это было не просто волнение, а узнавание. Словно она уже видела эту спину раньше, много раз. Не наяву, а в своих снах. В тех самых, где воздух был густым и горячим, пах нагретым бетоном и чем-то ещё - едва уловимым, но всепроникающим запахом страха. И сейчас, глядя на него, она вдруг поняла: грань между сном и реальностью стала опасно тонкой.

- Эй! - Глеб вышел из машины, сразу переходя на командирский тон. - Это частная собственность! Вы кто такой?

Мужчина обернулся не сразу. Он позволил себе паузу ровно на ту долю секунды, которая превращает ответ из вежливого в оскорбительный. А когда он повернулся, Ева перестала дышать.

Его лицо было именно таким, каким обычно рисуют «роковых героев» на обложках дешевых женских романов, но с одной существенной поправкой: это было по-настоящему. Не глянец, не вымысел иллюстратора, а живая, осязаемая реальность, от которой становилось не по себе. Высокие, чётко очерченные скулы придавали его профилю скульптурную строгость, а твердая, почти упрямая линия рта говорила о характере, не склонном к компромиссам.

Но главное - это был шрам. Тонкий, едва заметный, он пересекал левую бровь, и именно он менял всё. Он делал взгляд его серо-стальных глаз не просто холодным или пронзительным, а вечно ироничным, будто этот человек видел в жизни слишком много, чтобы чему-то удивляться или дове-

рять.

И сейчас эти глаза смотрели не на Глеба. Но не просто смотрели - они сканировали Еву. Она физически ощутила, как его взгляд медленно и бесцеремонно скользнул по ее растрепанным после сна волосам, словно оценивая каждую выбившуюся прядь.

Затем он задержался на её шее - там, где нервно пульсировала жилка, выдавая ее волнение. И наконец, его глаза уперлись в ее губы. В этом не было ни капли нежности или смущения - только спокойная, почти хищная сосредоточенность, от которой у Евы перехватило дыхание и по коже пробежали мурашки.

Она непроизвольно облизала их.

В уголке его рта дрогнул мускул. Это была не улыбка - теплая и вежливой. Это была холодная, едва заметная усмешка снайпера, который уже поймал цель в перекрестие прицела и теперь терпеливо ждёт, когда она совершит ошибку.

- Даниил Шторм, - представился он Глебу, но голос его, низкий, с легкой хрипотцой, предназначался почему-то Еве. Он даже не повысил его, но звук отразился от бетонных стен дома, и эхо вернулось, ударив Еве прямо в солнечное сплетение. - Я архитектор-криминалист. Наследники фонда вашей мачехи? - он кивнул на документы в руках Глеба. - Прошу прощения, что без приглашения. Оцениваю стоимость несущих конструкций перед сносом.

- Сносом?! - выдохнула Ева и сама удивилась своему воз-

мущению. Она ненавидела этот дом. Но мысль о том, что его ломают, вдруг показалась ей предательством памяти Алисы.

Даниил Шторм наконец соизволил посмотреть на неё в упор. До этого момента он лишь скользил по ней отсутствующим, почти скучающим взглядом, словно она была деталью интерьера, не заслуживающей внимания. Но теперь он медленно, будто нехотя, впери́л его в неё. Это был не просто взгляд - это было взвешивание, оценка, препарирование.

В его глазах, цвета сырой, холодной стали перед грозой, когда небо давит на землю, а воздух становится густым и наэлектризованным, мелькнуло что-то похожее на любопытство. Но это было не то любопытство, что ведёт к дружеской беседе. Это был интерес охотника, заметившего в привычном пейзаже странное, неуместное движение. Он смотрел так, будто решал: представляет ли она угрозу, достойна ли его времени или её можно просто смахнуть, как надоедливую мошку. В этом взгляде читался острый ум, привыкший просчитывать ходы наперёд, и холодное безразличие к чужим чувствам.

Ева почувствовала себя бабочкой, приколотой к картонке под ярким, безжалостным светом лампы.

- Вам нравится этот архитектурный труп? - спросил он. - Стены здесь пропитаны влагой и... - он сделал едва заметную паузу, втянув носом воздух, - человеческими выделениями. Страх, знаете ли, имеет свойство кристаллизоваться в порах

бетона. Он воняет. Сладковато и кисло одновременно. Чувствуете?

Ева вздрогнула. Она чувствовала. Всю жизнь она пыталась заглушить это обоняние антидепрессантами, но здесь, у ворот ада, защита рухнула.

- Мы зайдём внутрь, - отрезал Глеб, заслоняя сестру. - У нас есть завещание. Тридцать дней проживания для вступления в права. Так что убирайтесь отсюда со своим сносом.

Шторм отступил на шаг, пропуская их к двери. Жест был подчеркнуто галантным и одновременно угрожающим. Когда Ева проходила мимо, он едва слышно, так, чтобы услышала только она, прошептал:

- Тридцать дней? В этом доме? У вас красивая кожа, Ева Маркова. Очень... реактивная. Я слышал о вашей сестре. И о ваших рисунках. За эти тридцать дней она, ваша кожа, расскажет мне больше, чем все ваши лживые воспоминания.

Ева споткнулась о порог. Его рука - широкая, с вьёвшейся графитовой пылью и грубыми костяшками - метнулась к её локтю, чтобы поддержать. Прикосновение обожгло даже сквозь плотную ткань пальто. Она почувствовала мозоли на его пальцах и жар, исходящий от ладони. И запах. Сандал. Холодный табак. И металл.

- Осторожнее, - сказал он громко, для Глеба. - Здесь скользкий мрамор. И очень много пустот под полом.

Он убрал руку. Пальцы, еще мгновение назад сжимающие её локоть, исчезли, оставив после себя лишь фантомное ощу-

щение холода и тяжести. Ева осталась одна в гулкой тишине холла. Она стояла, не смея пошевелиться, и смотрела на знакомый до дрожи витраж над лестницей. Свинцовые переплеты, пыльные осколки цветного стекла - всё это было частью её детства, её кошмаров. Но сейчас витраж казался живым, словно за ним притаился кто-то, наблюдающий за каждым ее вздохом.

И в этот момент она почувствовала это. Не услышала, а именно почувствовала всем телом, как по фундаменту дома пробежала едва уловимая вибрация. Дом сделал первый вдох за долгие годы забвения. Воздух в холле стал плотным, тяжёлым, наполнившись запахом сырой штукатурки, старого дерева и тлена.

Где-то в глубине здания, в недрах подвала, протяжно и жалобно скрипнула половица. Звук был долгим, похожим на стон. А за ним последовал другой - тихий, едва различимый шорох, будто кто-то медленно, с кряхтением, переворачивался в своей могиле, расправляя затекшие за столетие кости. Это было не приветствие. Это был голодный взгляд, устремленный на долгожданную добычу. До

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.